

Русская мысль. - Париж. -
- 1956. - 24-30 окт. - с. 10-11

«Мы избрали иную дорогу»

Письма Марии Шкапской М.А.Волошину

Замечательная русская поэтесса Мария Михайловна Шкапская (урожд. Андреевская, 1891—1952) с середины 1920-х отошла от поэзии, став раз-
ездным корреспондентом советских газет, и даже назвала свои стихотвор-
ные сборники «бегством в лирику от действительности». Размышляя о
судьбе этой «замолчанной», Борис Филиппов задавался вопросом: искрен-
не или поневоле «перековалась» она?.. Письма Шкапской к Волошину
(1916—1925 гг.) если и не дают однозначного ответа, то помогают нам по-
нять ее эволюцию.

1.

М.М.Шкапская оказалась во Франции в 1913 году, будучи выслана вме-
сте с мужем за участие в революционных кружках. Закончив филологи-
ческий факультет Тулузского университета, Шкапская в 1915 году переез-
жает в Париж, где занимается на китайском отделении Школы восточных
языков и посещает поэтический кружок, собиравшийся в «Русской ака-
демии» на Монпарнасе. Среди участников его были Михаил Герасимов,
Герман Данаев, Вера Инбер, Оскар Лешинский, Елизавета Полонская,
Марк Талов, Илья Эренбург, прозаик Николай Ангарский, критик Ана-
толий Луначарский. Из художников бывали Натан Альтман, Давид Ште-
ренберг, скульпторы Александр Архипенко, Иннокентий Жуков, Степан
Эрьзя.

Знакомство с Волошиным состоялось в конце 1915 г. — видимо, на од-
ном из вечеров в салоне Марии Самойловны Цетлин на авеню Мартен.
Муж Марии Михайловны (с 1910 г.) Глеб Орестович Шкапский
(1891—1962) был студентом-радиотехником — и любопытно, что Воло-
шин встречался с его отцом Орестом Авенировичем еще в 1901 г. в Та-
шкенте (где тот был одним из издателей газеты «Русский Туркестан», пе-
чатавшей статьи и стихи начинающего поэта).

10 декабря 1915 года Шкапская писала Волошину:

«Глубокоуважаемый Максимилиан Александрович, говорила я с нашими
поэтами. На редакционное собрание, как они полагают, пригласить Вас бу-
дет неудобно. Да и вообще сейчас ясно, что «ветераны» от поэзии в наш
сборник не войдут <...> Но все мы, и я в частности и в особенности, будем
рады поделиться с Вами нашими «опытами». <...> По воскресеньям у меня
собирается небольшой интимный кружок, вернее клуб. Поэты, музыканты,
художники, — по большей части молодежь и богема. <...> Условие только
одно — так как у нас нет пассивных участников, то и Вы захватите что-
нибудь свое. Хорошо?»

Мне было очень больно в то воскресенье у Цетлина. Не от Вашего отка-
за, конечно. Он был лишь символом той глубокой разьединенности, которую
я так чувствую в здешней парижской публике. <...> Приезжайте в воскресе-
нье (от 3 часов дня до 6—7 длится бесовское действо).

Жму Ваши руки.

М.Шкапская.

88, Bd Port-Royal»

То, что в воскресенье 10 декабря Волошин был у Цетлиных, подтвер-
ждает дарственная надпись ему, сделанная в тот день М.О.Цетлиным на
сборнике «Лирика». Возможно, в воскресенье 13-го поэт и выступил в
«клубе» Шкапской, — но затем она сама была у него на rue de la Tour,
60, о чем упоминала в письме ночью 18 декабря:

«Милый Макс Александрович, мне хочется еще раз, издали, поблагода-
рить Вас за Ваши стихи, за весь этот милый и тихий вечер. Так хорошо на
душе стало. Я очень устала за это время в Париже. А у Вас — как в келье.
И минутка отдыха была так красива и чиста. Вы такой большой и уверен-
ный, в своей комнате — не жрец Неведомого, но крепкого и верного Бога.

Знаете, что я написала о Вас Эренбургу после первой встречи? Только не
сердитесь и не «шокируетесь» — несколько вольной рифмой определения. Я
написала (приблизительно, конечно), что Вы такой милый, широкий, мед-
вежистый, что с Вами должно быть верно, надежно и уютно, что на Ва-
шей широкой груди можно так радостно прибаюкаться, что с Вами долж-
но быть очень прочно — и — à la longue — скучно. Не сердитесь, нет? Не
надо. Я теперь свое «скучно» беру назад, как мне и предсказал Эренбург.

Рада, что Вам хоть немного понравились стихи. Я в них сердца вкладываю много. <...> Общест-
во помощи волонтеров устраивает вечеринку в субботу. Простят меня достать мелких вещей для лотереи. Нет ли у Вас знакомых?»

6 января 1916 г. Волошин заходит к Шкапской, но не застаёт. В тот же день она пишет ему:

В мастерской Дома поэта.

Слева направо: на полу — Атик (Артемиий) Шкапский и Фрима
Бунимович; 2-й ряд: М.Волошин, М.Шкапская, Лена и Ира
Домрачевы, чуть ниже Лёлик (Валерий) Шкапский, Юлия Дыбская
(Шенгели), И.В.Зелинский; 3-й ряд: Лиза (подруга Шмелевой),
Виктор Шмелев, Тамара Шмелева, А.Л.Домрачева, М.С.Заболоцкая
(Волошина). Коктебель, 1923.

«Глубокоуважаемый Максимилиан Александрович, какая обида, что я не
была сегодня дома <...>. Меня, как члена по устройству литер<атурного>
вечера, — уполномочили просить Вас выступить на этом вечере со своими
стихами 16-го янв<аря>, воскресенье <...>. М<ожет> б<ыть> Вы сможе-
те приехать ко мне <в> субботу после обеда — от 2 до 5 часов, непременно
со своей тетрадкой. <...> Как провели время в Фонтенбло?

Знаете, что меня ужасно поражает в Вас? — что Вы совершенно не
умеете улыбаться. Отчего это так? Ну — всех благ! <...>

P.S. Знаете, удивительная фраза у Вас эта: «Пить всеми ранами пото-
ки темных вод». (Из стихотворения 1906 г. «Быть черною землей. Рас-
крыв покорно грудь...» — В.К.) Я никак не могу от нее отделаться. Где Вы
черпаете вот такие земные и огромные образы?»

Судя по записной книжке Волошина, Шкапская была у него снова 8

января 1916 г. А 12 января, в среду, она пишет ему:

«Милый Макс Александрович, можно мне приехать к Вам в пятницу, в
4—5 часов? <...> начало вечера в 2 часа дня <...> (в Salle cadet, rue Cadet);
кажется, начнут с литерат<урного> отделения, т<ак> ч<то> лучше при-
езжайте пораньше. Надеюсь, что Вы останетесь и после концерта? Устро-
им маленькую пирушку и поболтаем немножко. <...> Почти всех Вы знаете
по клубу. Т.е. не знаете, а видели.

Знаете ли Вы сами, Макс Александрович, сколько исходит от Вас благо-
стойной и целящей силы? <...> мне так крепко хорошо с Вами — даже без слов,
в молчании. Исходит, исходит непрерывно покой, сила, мир и смотрится
так доверчиво, и дышится так просто.

Так просто мне бывало до сих пор только с природой или с лесными зве-
рушками, которые мне ближе людей. И Вы вот точно сами зверушка, или
«Мать-земля», и так просто и чисто с Вами.

У меня как-то всегда жизнь нелепая, скачущая, утомительная...

В течение января Волошин общается с Д.Стеллецким, Н.Тарховым,
Д.Риверой, И.Эренбургом, Ф.Леже, П.Пикассо, Маревной, В.Аргутин-
ским-Долгоруковым, Л.Бакстом, А.Озанфаном, Цетлиными — упомина-
ний Шкапской нет.

3 февраля 1916 г. она обращается к нему с просьбой: «Не можете ли
Вы перевести на французский язык следующее четверостишие (безразлично,
в стихах или в прозе):

Згорит, заблестит луч денницы:
И кимвал, и тимпан, и цевницы,
И серебро, и добро, и святыню
Понесем в старый дом, в Палестину.

(См. Достоевский. Дневн<ик> писателя. 1877 г. <Ф.Достоевский приво-
дит строки из песни Рахили в драме Н.Кукольника «Князь Даниил Ва-
сильевич Холмский», 1852. — В.К.>). <...>

P.S. Вас цепляют не тронули часом?» (Об очередном налете на Париж
немецких военных дирижаблей Волошин сообщал матери в письме от 7
февраля — но оно не сохранилось).

На этом переписка обрывается: сведений о встречах со Шкапской в Па-
риже нет ни в записных книжках, ни в письмах Волошина. В 1916 г. ис-
тек срок высылки поэтессы из России — но точное время ее возвращения
неизвестно. Может быть, еще в феврале или марте?.. Волошин же вы-
ехал на родину 8 апреля (26 марта) 1916 года.

Санкт-Петербург

Продолжение следует.